

ПРОЦЕССЫ - ЭРОВ.

Вечернее заседание 20-го июня.

Московский период деятельности РСР.

В вечернем заседании продолжались показания Ратнера. — Октябрьские дни в Москве, — говорит он, — ясно обнаружил, что массы отклонили от РСР, и значительная часть их перешла к большевикам и левым эсерам, или совсем отключилась от партийной работы. Ясно обнаружился разрыв интеллигентской верхушки РСР с рабочей массой.

Кто были их союзники.

В октябрьские дни главную защиту «народного представительства» в Москве составляли юнкера и офицеры. Среди них царил определенно погромное настроение. Готовность к стрельбе большевиков была полна. Как details, Ратнер отмечает очень любопытный факт: председатель собрания, на котором выступали «господа офицеры», очень важный руководитель московских эс-эров, Руднев черносотенных ораторов не останавливал.

Обвиняемый, впрочем, оговаривается, что Руднев был правым из правых эс-эров.

Направленные попытки.

МК РСР после октябрьских дней все свои силы бросил на фабрики и заводы, чтобы выводить перелом в настроения рабочих. Эти попытки тянулись целый месяц, но оказались совершенно безрезультатными. На заводах их не слушали, давали резкий отпор, а кое-где им угрожала опасность быть избитыми.

Январские демонстрации.

По директивам ЦК московские эс-эры знали, что день созыва Учредительного Собрания должен быть решающим. Минор, вернувшись в конце декабря из Петрограда, на встрече Нового года, устроенной эс-эрами, заявил, что Учредительное Собрание или должно взять власть в свои руки, или быть расстрелянным большевиками, чтобы своего кровью укрепить самую идею Учредительного Собрания в народных массах.

Такие «жесткие» разговоры при созыве своего полного бесилия повели к тому, что, несмотря на директиву мирной и безоружной демонстрации в день 6-го января, эта демонстрация кое-где на окраинах сопровождалась перестрелкой и столкновениями демонстрантов с красногвардейскими частями.

На их улице праздник.

Вскоре наступили тяжелые продовольственные затруднения. Эс-эры, конечно, поспешили воспользоваться случаем и на некоторых фабриках, где их раньше не хотели пускать на пороги, стали проходить на митингах эс-эровские резолюции. Кое-где удалось даже провести своих делегатов в Московский Совет. Удача сопровождалась с.р. преимущественно там, где на рабочую массу имели влияние отсталые элементы из ее собственной среды.

Но в конце-концов этот временный успех был очень незначителен. В районах почти явственно не было, состояли на учете только одиночные рабочие.

При такой поддержке рабочих и при полном моральном разложении интеллигентских эс-эровских групп трудно было думать о вооруженных выступлениях против Советской власти, и Московский Комитет РСР должен был заявить, что он от такой борьбы отказывается.

Зачем был им нужен восточный фронт.

Цеклисты утверждали, что идея восточного фронта возникла только в связи с германской войной. Ратнер заявляет, что еще до Брестского мира Руднев ставил в Москве вопрос о том, где было бы лучше созвать Учредительное Собрание, и тогда же внимание с.р. привлекло. По-видимому. Определенно называли Саратов, окруженный полосою крестьянства, среди которого эс-эры рассчитывали найти не только сочувствие, но и активную поддержку.

Учредильцы в Москве.

В конце января, по распоряжению ЦК, фракция Учредительного Собрания съехалась в Москву. Это не значило, что московская организация РСР окрепла. Члены Учредительного Собрания были политикой и очень мало помогли своим московским товарищам в их работе на заводах и фабриках.

Подходя по Москве и прослушав речи московских рабочих, партийные генералы убедились, что московский воздух не годится, и Учредительного Собрания в Москве не соберется.

Где же было собраться? Называли разные города и договаривались даже до Архангельска. Один из самых правых эс-эров,

Кильчевский, теперь добросовестный обыватель, предложил собраться в Архангельске. Он рассуждал очень просто. В Архангельске возможен десант союзников. Захотят эс-эры или нет — десант все равно состоится, так не лучше ли, чтобы он состоялся с их ведома, чтобы там, под заботой иностранных штыков, можно было созвать Учредительное Собрание.

Такого откровенного цинизма устыдились даже верхушки РСР, и предложение Кильчевского было отклонено.

В заключение своей речи обвиняемый просит не осуждать его за то, что он в течение долгого времени обманывал в Московском Совете рабочих, утверждая, что РСР желает прекратить гражданскую войну и восстановить единый фронт социалистов при участии большевиков. ЦК РСР не мешал так говорить своим членам, находившимся в непосредственном контакте с рабочими в то время, как сам готовился к вооруженной борьбе с большевиками. Не только он, Ратнер, но и многие рядовые члены РСР в свое время верили, что ЦК переменял свою физиономию по отношению к Советской власти.

Двуличничество ЦК поставило Ратнера и других защитников единого фронта в ложное положение.

Голос московского и питерского пролетариата.

После перекрестного допроса подсудимого Ратнера и оглашения различных заявлений председателем Верховного Трибунала тов. Пятаков делает следующее заявление:

— Ко мне поступило два заявления: одно от делегации московских рабочих, другое — от делегации питерских рабочих. Участвовавшие в сегодняшней манифестации московские рабочие и работницы избрали делегацию из 7 человек от каждого района и поручили этим делегатам огласить в заседании Трибунала декларацию и сделать словесные заявления. Делегация от рабочих всех питерских заводов тоже просит разрешить ей огласить письменную декларацию и сделать личное заявление.

— Ваше заключение по этому поводу, тов. государственный обвинитель, — заканчивает тов. Пятаков, обращаясь к тов. Крыленко.

— С формальной точки зрения, — говорит тов. Крыленко, — я затрудняюсь дать по этому поводу заключение, так как не знаю содержания декларации. Ни положение о Трибунале, ни практика последних, не предусматривает такого случая. Но по существу высказываясь за удовлетворение ходатайства.

— Сегодняшняя демонстрация, — продолжает тов. Крыленко, — в которой участвовали десятки тысяч рабочих (сотни тысяч) — раздала голоса (из публики), выразила волю трудящихся и наглядно показала отношение последних к партии эс-эров и суду над ними. Этого факта не вычеркнуть из истории. И пролетарский суд не может пройти мимо этого факта. Пролетарский суд не может отказать трудящимся в желании выразить свою волю на судебном заседании. Это противоречило бы общей структуре и смыслу пролетарской власти и пролетарского суда, которые немыслимы без единения с трудящимися массами.

— Гражданское право, — заканчивает тов. Крыленко, — не может вступить пролетарский суд в рамки формальных требований. Пролетарский суд должен руководствоваться существом и духом нашего пролетарского государства. А следовательно и пролетарского суда, требуют неразрывной связи с трудящимися.

От лица защиты первой группы подсудимых выступает Муравьев, который, стоя на строгой, формальной точке зрения, высказывается за отклонение ходатайства.

От лица защиты второй группы обвиняемых выступает тов. Бухарин.

— В одном из своих заявлений, — говорит он, — председатель Трибунала заявил, что пролетарский суд беспристрастен в установлении фактов виновности или невиновности того или иного подсудимого. Но он пристрастен настолько, насколько он является органом пролетарской диктатуры и стоит на страже охранения Советской власти. Для пролетарского суда голос трудящихся имеет большое значение. И этот голос должен быть выслушан судом.

Суд уважил ходатайство Комитетов и выслушал заявление его представителей. У него нет оснований для отказа выслушать голос московского и пи-

терского пролетариата, — заканчивает тов. Бухарин.

Подсудимый Гендельман заявляет, что подсудимые отказываются от слова по этому поводу.

Председатель Трибунала твердым голосом читает определение суда:

— Для Верховного Трибунала, который является высшим судебным органом рабочекрестьянской власти, мнение трудящихся масс имеет существенное значение, хотя в своих судебных судах совершенно независимо от влияния отдельных групп. Поэтому Трибунал постановил выслушать заявления представителей московских и питерских рабочих.

На трибуну одна за другой входят делегации московских рабочих.

Делегация Бауманского района.

Первой выступает делегация от 25.000 рабочих и работниц Бауманского района. Декларацию читает тов. Пискарев, читает он твердо, с записками — ведь он простой рабочий.

— Эс-эры на суде, — говорит в декларации, — оправдываясь в совершенных ими тяжких преступлениях против рабочих и крестьян, ссылаются на рабочих, которые будто бы поддерживали их когда-то и относились сочувственно к их работе. Это — ложь. Это — клевета на рабочий класс. Никогда рабочие не принимали никакого участия в работе эс-эров. Никогда их не поддерживали, никогда им не сочувствовали. Эс-эры — злейшие враги рабочих и крестьян. Они только приносятся на наших друзей. Мы требуем от Верховного Трибунала обезвредить от таких друзей. Требуем обезвредить эс-эров.

Рабочие и работницы Бауманского района — все, как один человек, стоят за Советскую власть. Верховный Трибунал — наш пролетарский суд. Мы требуем от нашего пролетарского суда суровой и беспощадной кары предателям и изменникам рабочего класса.

Декларация покрывается дружными и продолжительными аплодисментами всего зала.

Председатель Трибунала звонит, но позволяющая публике долго не может успокоиться.

Делегация Замоскворецкого района.

Рабочий Кузьков оглашает декларацию от 35 тысяч участвовавших в демонстрации рабочих и работниц Замоскворецкого района.

— Мы требуем, — говорит в декларации, — от Верховного Трибунала, не считаясь ни с какими безличными соглашениями, вынести подсудимым самый строгий, самый суровый приговор. Слишком велика вина эс-эров перед рабочими и крестьянами России. Они не заслуживают никакого снисхождения. Для врагов рабочего класса нет пощады.

Снова дружные и продолжительные аплодисменты.

Свидетель поимки на тов. Ленина.

Потрясающее впечатление производит речь рабочего с завода Михальсона тов. Иванова. На его глазах произошло поимение на тов. Ленина. Он задержан виновностью поимки Фанни Каплан. Речь тов. Иванова много раз прерывается аплодисментами, возгласами возмущения и негодования со стороны публики.

— Я тот самый рабочий, — говорит тов. Иванов, — который задержал тяжкую преступницу, покушавшуюся на нашего дорогого вождя тов. Ленина — Фанни Каплан.

— Гоц, — продолжает т. Иванов, — с негодованием и возмущением, — смотрите на меня. Вы послали Фанни Каплан убить т. Ленина, а я ее задержал. Вы подстрекали на убийство тов. Урицкого, Володарского. Вы враги рабочего класса — заявляю вам: я готов умереть за революцию, готов отдать жизнь за рабоче-крестьянскую власть. И не я один, а все рабочие завода Михальсона, посланные меня.

Тов. Иванов рассказывает, как произошло поимение на т. Ленина. После выстрела рабочие из лоджии раненого тов. Ленина и бегут по лестнице в автобиль, и вдруг увидели бегущую на толпу какую-то женщину, погнался за ней, схватил и задержал ее. Это была преступница Фанни Каплан. Это была та, которую вы послали на убийство нашего великого вождя, с негодованием восклицает тов. Иванов, обращаясь к подсудимым.

— Позор, смерть убийцам! — раздается возглас из публики. — Когда я задержал Фанно

Каплан, рабочие хотели тут же вырвать ее у меня из рук и расстрелять на клочки. С большим трудом удалось мне спасти преступницу от разгневанной толпы рабочих. Я ее спас и доставил в руки пролетарской власти. За это мне сильно досталось от моих товарищей, рабочих. Все это были беспартийные рабочие. Все они до единого были возмущены и разгневаны нашим чудовищным преступлением, — восклицает тов. Иванов, обращаясь к подсудимым.

— После задержания Каплан, — продолжает тов. Иванов, — я спросил ее, за что и почему она стреляла в нашего великого вождя.

— По предложению социалстов-революционеров, — отвечает Каплан.

— Вот ваша работа, вот как работает ваша партия! — заканчивает тов. Иванов с дрожью в голосе.

Взрывом негодования встречает публика речь тов. Иванова. Дружные аплодисменты, негодование возгласы: «Смерть убийцам!»

Подсудимые сидят с опущенными головами.

Делегация Хамовнического района.

От 15.000 рабочих Хамовнического района выступает делегация тов. Смирнов. В оглашенной им декларации подробно перечисляются все преступления эс-эров от Октябрьской революции и до самых последних дней.

— Убийцам Володарского и Урицкого, подстрекателям на убийство вождя рабочих тов. Ленина, не должно быть пощады. Иудам, предавшим трудовой народ мировому капиталу, этим прихвостням и прихлебателям западно-европейской буржуазии, должен быть вынесен самый суровый, самый беспощадный приговор.

Краснопресненский район.

От Красной Пресни на демонстрации участвовало 50.000 рабочих и работниц. Они послали в пролетарский суд делегацию выразить презрение предателям рабочего класса — эс-эрам. Рабочие Красной Пресни единогласно требуют суровых наказаний преступников по всем статьям революционного закона, без всяких послаблений и снисхождений.

Эс-эры клеветают, когда говорят, что рабочие будто бы шли за ними и будто бы их поддерживали. Никогда рабочие не шли за эс-эрами, никогда и никаких поручений им не давали и не дадут. Рабочие Красной Пресни считают эс-эров своими злейшими врагами.

Городской район.

От 40 тысяч рабочих и служащих Городского района выступает рабочий центрального телеграфа. Простым безыскусственным языком он рассказывает, как служащие почты и телеграфа верили раньше эс-эрам и шли за ними. Но преступления эс-эров скоро убедили рабочих, что почта и телеграф в доме, что эс-эры не друзья, а враги рабочих и крестьян, что они прихвостни и прихлебатели буржуазии, а не защитники рабочего класса. Теперь все работники почты и телеграфа на стороне Советской власти.

Вы умерли сегодня на улицах Москвы страшной: не физической, а политической смертью, — заканчивает делегат Городского района.

Горячую, полную негодования и возмущения речь произносит беспартийный рабочий — представитель почты и телеграфа.

— Мы все верили, — говорит он, — обращаясь к подсудимым. Мы свято чтим память героев революции — Каледина, Перовской и др., положивших жизнь свою за рабочих и крестьян. Мы думали, что вы продолжите дело этих великих борцов за революцию. Мы верили вам, но революцию. Мы развили нашу веру своими тяжкими преступлениями перед рабочими и крестьянами. Мы от вас отвернулись и за вами теперь не пойдём. Пусть падает проклятие на наши головы за ваши тяжкие преступления и за то, что вы осквернили память погибших ваших вождей. Если бы эти погибшие за революцию вожди узнали о ваших делах, то они пришли бы в ужас, отвернулись бы от вас и прокляли бы вас страшным проклятием.

Три тысячи почтово-телеграфных работников центра, — заканчивает делегат с порывом и негодованием, — требуют для предателя рабочего класса или высшей меры наказания, или отлучения от общества, или отлучения от всех друзей за границу — Гуккову и Милкову. Пусть ползут они туда к этим своим сообщникам.

Симоновский район.

От Симоновского района в демонстрации участвовало 15 тысяч человек. Рабочие и работницы этого района требуют от Трибунала, чтобы он судил

эс-эров не как политических преступников, а как бандитов и грабителей и вынес им высшую меру наказания.

Рогожский район.

В состав Рогожского района входит железнодорожники и рабочие. В демонстрации участвовало 12.000 человек. Оглашенная представителями этого района декларация перечисляет все многочисленные преступления эс-эров и требует беспощадной кары над ними.

Голос московских рабочих.

По уполномочию московских рабочих выступает работница Гарасова. Она рисует жуткую и потрясающую картину жизни и страданий жен и детей московских рабочих в первый период гражданской войны.

— Наши мужья, — говорит она, — ушли на войну. Многие из них убили, других искалечили, третьи попали в плен и были расстреляны эс-эрами. На наших глазах наши дети умирали с голода. И мы не могли им помочь. Московские работницы знают, какой неисчислимный вред причинили эс-эры своим преступлениями. Они испытали это на самих себе, на своих семьях.

— У меня, — восклицает т. Гарасова с дрожью в голосе, — эс-эры расстреляли мужа. Я осталась одна с тремя малолетними детьми, обреченная вместе с ними на голод, холод и всечужие лишения.

— Мы, московские работницы, — восклицает тов. Гарасова, — обращаясь к подсудимым, — за вами не пойдём! Мы будем всеми силами поддерживать коммунистическую партию и Советскую власть. Мы готовы положить за нее свою жизнь, пролить свою кровь. Вы расстреляли невинных женщин и детей. Вы пролили море невинной человеческой крови. Нет вам пощады!

— Московские женщины и работницы, — заканчивает тов. Гарасова, — требуют вынести самый суровый приговор изменникам и предателям рабочего класса.

Простая и бесхитростная, но полная горя и скорби речь т. Гарасовой вызывает дружный взрыв протеста, негодования и возмущения по адресу подсудимых со стороны публики.

Ответа на речь тов. Пятакова.

Декларация и речи делегаций московских рабочих и работниц закончены.

На них отвечает председатель Верховного Трибунала тов. Пятаков:

— Трибунал вполне понимает, — говорит он, — чувства и настроения московских рабочих и работниц. Но должен вам сказать, что здесь происходит не митинг, а суд. Речь идет здесь не о политических вопросах и настроениях, а о жизни людей, которые обвиняются в тяжких уголовных преступлениях. Должен вас предупредить, что мы заседаем уже десять дней, тщательно разбираем все факты, все стороны дела во всех подробностях выслушиваем. Разбираем, проверяем, выясняем и устанавливаем факты. Но не все еще проверено, не все еще подтверждено из всего того, что является в виду каждого подсудимого. Может быть все в этих обвинениях правильно, но может быть, что не все правильно.

— Только тогда, — продолжает тов. Пятаков, — когда мы все проверим, все выясним, мы можем сказать, что виновен и кто не виновен из сидящих на скамье подсудимых. Пролетарский суд будет справедливым. Он не допустит ошибок. Не осудит невинного, но и не оправдает виновного. Мы с прежней энергией, терпением и настойчивостью будем продолжать разбор дела, проверять и выяснять все факты. Категорически заявляю вам, что если виновность того или иного подсудимого будет установлена, то он получит справедливое возмездие. Каждую, поднимавшую вооруженную руку на рабоче-крестьянскую Республику будет вынесена высшая мера наказания. Передайте об этом посланиям вас рабочим.

— Передайте посланиям вас рабочим, — заканчивает тов. Пятаков, — благодарность Верховного Трибунала за то, что они высказали здесь свою волю и оказали мощную поддержку своему Верховному судебному органу. Пролетарский суд находится в тесной связи с рабочей Москвой. Это доказала ваша сегодняшняя демонстрация и ваше выступление здесь на заседании суда.

Делегация петроградских рабочих.

В питерскую делегацию входят представители всех без исключения питерских заводов. Подавляющее большинство делегатов — беспартийные питерские ра-

бочие. Беспартийных — 36 человек.

Рабочие Петрограда послали своих делегатов в Москву, обязали их присутствовать на суде, внимательно выслушать все, что здесь говорится, убедиться в виновности или невиновности подсудимых и затем доложить обо всем этом петроградским рабочим.

— Мы прибыли на заседание несколько дней, — говорит один из петроградских делегатов, — и для нас стало ясно, где правда. Мы убедились в виновности эс-эров и выработали соответствующую декларацию, которую подписали все без исключения питерские делегаты. Эту декларацию мы отнесли в Питер для ознакомления с ней питерских рабочих. Питерские рабочие уже ознакомились с нашей декларацией и вполне к ней присоединились.

Оглашается декларация питерских рабочих.

Голос питерских рабочих.

Горячую, полную гнева, возмущения и негодования речь произносит представительница питерских женщин — работниц.

— Меня послали сюда, — говорит она, — сотни тысяч питерских рабочих. Вы убивали, — продолжает делегатка, — обращаясь к подсудимым, — наших мужей, морили голодом наших детей. Вы не щадили ни стариков, ни женщин. Знайте же, убийцы, что женщины-работницы считают вас своими злейшими врагами. Вы похоронили себя до суда. Вы умерли политической смертью!

— На скамье подсудимых, — сидят не политические преступники, а простые убийцы, грабители и поджигатели. Их нужно судить как уголовных бандитов и вынести им самый суровый приговор. Этого требуют посланные сюда сотни тысяч питерских работниц! — заканчивает с порывом и большим подъемом делегатка.

Речь петроградской делегатки покрывается дружными аплодисментами одобрения и возгласами.

Утреннее заседание 21-го июня.

Протест.

Как и следовало ожидать, вчерашнее выступление делегаций московских и петроградских рабочих вызвало протест со стороны защитников первой группы подсудимых. В начале заседания защитник Муравьев делает следующее заявление:

— Как в стенах суда, так и вне их, вчера произошло событие огромной важности в формальном отношении. Я говорю о вчерашней политической демонстрации и о выступлении делегатов московских и питерских рабочих в суде. Не буду касаться оценки этого события с политической стороны. Для нас, защитников, оно имеет значение лишь с формальной стороны. Вчерашнее событие опровергло все судебные нормы Советской Республики.

— Задача просит, — продолжает Муравьев, — предоставить ей тонкую стенограмму вчерашних выступлений и объявить аналогичный протест, который нужен записке для рассмотрения «огромного материала», вторгшегося в данный процесс.

Ответа на речь тов. Пятакова.

Делегация и речи делегаций московских рабочих и работниц закончены.

На них отвечает председатель Верховного Трибунала тов. Пятаков:

— Трибунал вполне понимает, — говорит он, — чувства и настроения московских рабочих и работниц. Но должен вам сказать, что здесь происходит не митинг, а суд. Речь идет здесь не о политических вопросах и настроениях, а о жизни людей, которые обвиняются в тяжких уголовных преступлениях. Должен вас предупредить, что мы заседаем уже десять дней, тщательно разбираем все факты, все стороны дела во всех подробностях выслушиваем. Разбираем, проверяем, выясняем и устанавливаем факты. Но не все еще проверено, не все еще подтверждено из всего того, что является в виду каждого подсудимого. Может быть все в этих обвинениях правильно, но может быть, что не все правильно.

— Только тогда, — продолжает тов. Пятаков, — когда мы все проверим, все выясним, мы можем сказать, что виновен и кто не виновен из сидящих на скамье подсудимых. Пролетарский суд будет справедливым. Он не допустит ошибок. Не осудит невинного, но и не оправдает виновного. Мы с прежней энергией, терпением и настойчивостью будем продолжать разбор дела, проверять и выяснять все факты. Категорически заявляю вам, что если виновность того или иного подсудимого будет установлена, то он получит справедливое возмездие. Каждую, поднимавшую вооруженную руку на рабоче-крестьянскую Республику будет вынесена высшая мера наказания. Передайте об этом посланиям вас рабочим.

— Передайте посланиям вас рабочим, — заканчивает тов. Пятаков, — благодарность Верховного Трибунала за то, что они высказали здесь свою волю и оказали мощную поддержку своему Верховному судебному органу. Пролетарский суд находится в тесной связи с рабочей Москвой. Это доказала ваша сегодняшняя демонстрация и ваше выступление здесь на заседании суда.

Делегация петроградских рабочих.

В питерскую делегацию входят представители всех без исключения питерских заводов. Подавляющее большинство делегатов — беспартийные питерские ра-

бочие. Беспартийных — 36 человек.

Рабочие Петрограда послали своих делегатов в Москву, обязали их присутствовать на суде, внимательно выслушать все, что здесь говорится, убедиться в виновности или невиновности подсудимых и затем доложить обо всем этом петроградским рабочим.

— Мы прибыли на заседание несколько дней, — говорит один из петроградских делегатов, — и для нас стало ясно, где правда. Мы убедились в виновности эс-эров и выработали соответствующую декларацию, которую подписали все без исключения питерские делегаты. Эту декларацию мы отнесли в Питер для ознакомления с ней питерских рабочих. Питерские рабочие уже ознакомились с нашей декларацией и вполне к ней присоединились.

Оглашается декларация питерских рабочих.

Голос питерских рабочих.

Горячую, полную гнева, возмущения и негодования речь произносит представительница питерских женщин — работниц.

— Меня послали сюда, — говорит она, — сотни тысяч питерских рабочих. Вы убивали, — продолжает делегатка, — обращаясь к подсудимым, — наших мужей, морили голодом наших детей. Вы не щадили ни стариков, ни женщин. Знайте же, убийцы, что женщины-работницы считают вас своими злейшими врагами. Вы похоронили себя до суда. Вы умерли политической смертью!

— На скамье подсудимых, — сидят не политические преступники, а простые убийцы, грабители и поджигатели. Их нужно судить как уголовных бандитов и вынести им самый суровый приговор. Этого требуют посланные сюда сотни тысяч питерских работниц! — заканчивает с порывом и большим подъемом делегатка.

Речь петроградской делегатки покрывается дружными аплодисментами одобрения и возгласами.

Утреннее заседание 21-го июня.

Протест.

Как и следовало ожидать, вчерашнее выступление делегаций московских и петроградских рабочих вызвало протест со стороны защитников первой группы подсудимых. В начале заседания защитник Муравьев делает следующее заявление:

— Как в стенах суда, так и вне их, вчера произошло событие огромной важности в формальном отношении. Я говорю о вчерашней политической демонстрации и о выступлении делегатов московских и питерских рабочих в суде. Не буду касаться оценки этого события с политической стороны. Для нас, защитников, оно имеет значение лишь с формальной стороны. Вчерашнее событие опровергло все судебные нормы Советской Республики.

— Задача просит, — продолжает Муравьев, — предоставить ей тонкую стенограмму вчерашних выступлений и объявить аналогичный протест, который нужен записке для рассмотрения «огромного материала», вторгшегося в данный процесс.

Ответа на речь тов. Пятакова.

Делегация и речи делегаций московских рабочих и работниц закончены.

На них отвечает председатель Верховного Трибунала тов. Пятаков:

— Трибунал вполне понимает, — говорит он, — чувства и настроения московских рабочих и работниц. Но должен вам сказать, что здесь происходит не митинг, а суд. Речь идет здесь не о политических вопросах и настроениях, а о жизни людей, которые обвиняются в тяжких уголовных преступлениях. Должен вас предупредить, что мы заседаем уже десять дней, тщательно разбираем все факты, все стороны дела во всех подробностях выслушиваем. Разбираем, проверяем, выясняем и устанавливаем факты. Но не все еще проверено, не все еще подтверждено из всего того, что является в виду каждого подсудимого. Может быть все в этих обвинениях правильно, но может быть, что не все правильно.

— Только тогда, — продолжает тов. Пятаков, — когда мы все проверим, все выясним, мы можем сказать, что виновен и кто не виновен из сидящих

